

Жизненные стратегии студентов вуза: опыт сравнительного анализа

А. В. ВОРОНЦОВА, Е. Е. БЛИНОВА

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность статьи обусловлена значимостью исследования особенностей и барьеров построения жизненных стратегий современными студентами, связанной с трансформациями, которые переживает современное общество, повышением уровня неопределенности, разрушением традиционных жизненных сценариев, и потребностью в поиске эффективных психолого-педагогических механизмов поддержки личности в построении конструктивных жизненных планов на основе позитивного образа собственного будущего.

Цель статьи – выявить особенности жизненных стратегий и барьеров их построения студентами разных регионов Российской Федерации посредством сравнительного анализа.

Материалы и методы. В опросе приняли участие две группы респондентов – 422 студента Костромского государственного университета (Российская Федерация) и 272 студента Херсонского государственного педагогического университета. Значимость различий полученных данных между выборками определялась с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни (U). Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента парной корреляции Пирсона (r). Значимость отличий между группами по частоте встречающегося результата при ответах на отдельные вопросы была проанализирована с помощью углового коэффициента Фишера (φ).

Результаты. Основная исследовательская гипотеза заключалась в том, что задача построения жизненной стратегии значительно более отягощена негативными факторами внутри и внешнеполитической обстановки, непосредственно воздействующими на эту группу опрошенных. Гипотеза не была подтверждена в полной мере. Выявлено значительное количество схожих характеристик процесса построения жизненных стратегий студентами обеих групп – длительность горизонта планирования ($U=35999,5$; $p=0,69$), субъективная оценка студентами решенности задачи построения жизненной стратегии ($U=35992,0$; $p=0,80$) амбивалентность воздействия университета на этот процесс, схожесть запроса на содержание, технологии и отношение к субъектам психолого-педагогического сопровождения построения жизненной стратегии студентов в обеих группах. При этом выявлены несколько существенных различий – значимость построения жизненной перспективы выше в группе студентов ХГПУ ($p=0,007$), фактор внутренней и внешней напряженности оценивается как доминирующий среди выборки студентов с негативной динамикой построения жизненной стратегии ХГПУ в отличие от группы студентов КГУ ($U=32946,0$; $p=0,038$). Также студенты ХГПУ значительно менее ощущают внутренние личностные ($\Phi_{\text{ЭМП}}=6,323$) и информационные ($\Phi_{\text{ЭМП}}=2,697$) барьеры построения жизненных стратегий ($\Phi_{\text{ЭМП}}=6,323$), ощущают себя более социально-зрелыми ($\Phi_{\text{ЭМП}}=5,089$) и независимыми в решениях ($\Phi_{\text{ЭМП}}=4,351$).

Заключение. Полученные результаты вносят определенный вклад в понимание характера и барьеров построения жизненных перспектив студентами вуза, и могут быть использованы в процессе разработки программ психолого-педагогического сопровождения построения студентами конструктивных жизненных перспектив.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

жизненная стратегия, долгосрочное планирование, психолого-педагогическое сопровождение, горизонт планирования, барьеры долгосрочного планирования

Для цитирования: Воронцова А. В., Блинова Е. Е. Жизненные стратегии студентов вуза: опыт сравнительного анализа // Перспективы науки и образования. 2025. № 2. С. 496–510. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.31>

Поступила: 04.10.2024 | Одобрена: 06.01.2025 | Опубликована: 30.04.2025

Лицензия «С указанием авторства — С сохранением условий». Позволяет перерабатывать, исправлять и развивать произведения при условии указания авторства и лицензирования производных работ на аналогичных условиях.

Life strategies of university students: an experience of comparative analysis

A. V. VORONTSOVA, E. E. BLINOVA

ABSTRACT

Introduction. The relevance of the article is accounted for by the significance of studying modern students' characteristic features and barriers in building life strategies connected with transformations faced by contemporary society as well as the increased level of uncertainty, the destruction of traditional life scenarios, and the need to find effective psychological and pedagogical mechanisms of personal support in building constructive life plans based on a positive image of students' own future.

The article aims to identify, through comparative analysis, the peculiarities of life strategies and barriers opposing them, as constructed by students representing different regions of the Russian Federation.

Materials and methods. The survey involved two groups of respondents – 422 students from Kostroma State University (KSU) (Russian Federation) and 272 students from Kherson State Pedagogical University (KSPU). The significance of the identified differences in the sample results was assessed using the non-parametric Mann-Whitney U test (U). The correlation analysis was implemented using Pearson paired correlation coefficient (r). The significance of differences between the groups in terms of the frequency of the recorded results, based on the answers to individual questions, was analysed using the Fisher angular coefficient (ϕ).

Results. The main research hypothesis was that the life strategy construction task was significantly more burdened by negative factors of the internal and foreign political environment directly affecting this group of respondents. The hypothesis was not fully confirmed. A significant number of similar characteristics describing the process of life strategy building by students of both groups was revealed, as concerns the planned timeframe ($U=35999.5$; $p=0.69$); the students' subjective assessment of extent of realisation of the life strategy building task ($U=35992.0$; $p=0.80$); the ambivalence of the university impact on this process; the similarity of substantive requests; the technologies and attitudes towards subjects rendering psychological and pedagogical support of students' life strategy building in both groups. At the same time, several essential differences were revealed – the significance of building a life perspective is higher in the group of KSPU students ($p=0.007$); the factor of internal and external tension is estimated as dominant among the sample of KSPU students showing negative dynamics of building a life strategy, as contrasted to the group of KSU students ($U=32946.0$; $p=0.038$). Moreover, KSPU students perceive the burden of internal personal ($\phi_{emp.}=6.323$) and informational ($\phi_{emp.}=2.697$) barriers to life strategy construction to a significantly lesser extent ($\phi_{emp.}=6.323$), feel more socially mature ($\phi_{emp.}=5.089$) and independent in decisions ($\phi_{emp.}=4.351$).

Conclusion. The obtained results make a certain contribution to the understanding of the nature and barriers to the construction of life perspectives by university students; the findings can be as well used for the development of psychological and pedagogical support programmes for forming constructive life perspectives by students.

KEYWORDS

life strategy, long-term planning, psychological and pedagogical support, planning timeframe, barriers to long-term planning

For Citation: Vorontsova, A. V., & Blinova, E. E. (2025). Life strategies of university students: an experience of comparative analysis. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, (2), 496–510. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.31>

Received: 04 October 2024 | Approved: 06 January 2025 | Published: 30 April 2025

This is an open access article distributed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike International License (CC-BY-SA 4.0) that allows others to share the work with an acknowledgement of the work's authorship and initial publication in this journal

ВВЕДЕНИЕ

Одной из значимых целей устойчивого развития Организацией объединенных наций провозглашено качественное образование. Образование – процесс, который обеспечивает транзит молодежи в созидательную и управленческую сферу современного общества. Оно будет эффективным, если передает в руки обучающихся инструменты построения собственного будущего и будущего своей страны. В рамках Молодежной стратегии Организации Объединенных Наций – «Молодежь-2030» молодежь рассматривается как активный участник, инициатор перемен, что также требует осознания собственных приоритетов, возможностей, долгосрочных планов и путей их реализации.

Построение жизненных стратегий – одна из значимых задач студенческого возраста, возникающая и актуализирующаяся на пересечении личностной, социальной зрелости молодого человека и жизненных обстоятельств, требующих принятия решений, основанных на видении длинных перспектив.

Современные условия, характеризующиеся, с одной стороны, высоким уровнем социальной и технологической динамики, с другой стороны, нарастанием внешнеполитической напряженности налагают ощутимый отпечаток на готовность и способность человека видеть долгую перспективу собственной жизни и активно строить жизненную стратегию. При этом очевидно, что разные группы студенческой молодежи ощущают внешние влияния, в том числе и негативные, связанные с гибридными войнами современности в разной степени. Вопрос о том, насколько меняются характеристики жизненных стратегий студенческой молодежи в зависимости от предполагаемой степени этого влияния стал основой представленного в данной статье исследования.

В основу нашей работы положены проведенные ранее исследования, позволяющие определить сущность жизненных стратегий, типологии, динамики формирования, особенностей построения жизненных стратегий на разных возрастных этапах и при включении личности в разные образовательные организации.

Жизненная стратегия понимается нами как поэтапное планирование собственного будущего. Это понимание встречаем в работах Ю.М. Резника, Е.А. Смирновой [1]. В работах М.О. Мдивани, П.Б. Кодесса обосновывается методика исследований феномена жизненной стратегии, построенной на этом понимании [2]. Конкретизацию этой трактовки находим в работах В.А. Берковского [3], который акцентирует внимание на семье как факторе построения жизненной стратегии, М.А. Белугиной [4], предметностью исследований которой выступает психологическое содержание жизненных стратегий в юношеском возрасте, Д.Ю. Чеботаревой [5], исследовавшей стратегии студентов юга России и в др. Построение жизненной стратегии в ряде зарубежных исследований трактуется как процесс жизнестроения, в основе которого лежит активное, преобразующее начало. В работе J. Goring, R. Baikeli, D. Li, L. Zhu, Z. Wang рассматриваются вопросы планирования будущего молодыми людьми в кризисные периоды развития общества [6]. В исследовании G. Sharma, J. Kim, K. Bernal-Arevalo анализируется связь между планированием будущего и реализацией планов спустя значительное время (десятилетие) [7]. Студенческие представления о будущем и форматы будущей активности разрабатываются V. Cuzzocrea, G. Mandich [8], P. Froerer, N. Ansell, R. Huijsmans [9]. Важными для нашего исследования стали результаты исследований способов взаимодействия с будущим в повседневной жизни (G. Mandich [11]). Инструментальную проработку сопровождения построения жизненных стратегий находим в работах N.A. Nygrén [12], R. Tyszczyk [13]. Возрастные факторы построения жизненных перспектив разрабатываются в исследованиях J.J. Arnett [15], R. Baikeli, D. Li, L. Zhu, Z. Wang [16].

В исследованиях последних лет поднимаются проблемы построения жизненной перспективы студентами. Так, И.Ф. Муханова исследовала особенности построения жизненных перспектив студентами Донецка в 2020 году и отмечает сокращение жизненной перспективы, связывая это в том числе с неблагоприятными внутривнутриполитическими факторами (И.Ф. Муханова [17]). Учитывая основную миссию высшего образования как пространства входа молодого человека в профессию, значительное внимание привлекают вопросы построения студентами профессиональных перспектив (Я.Д. Дидковская [18]), сценарии прогнозирования профессионального будущего (В.С. Третьякова [19]).

Ряд авторов исследуют особенности долгосрочного жизненного планирования отдельными группами студентов: студентами с ограниченными возможностями здоровья (В.М. Мелехова [20]), иностранных студентов (А.В. Иванов [21]), студентов отдельных направлений и специальностей (Н.Н. Касьянова [22; 23]). Особое место в публикациях последних лет нашли вопросы изменения ценностей и стратегий студентов после пандемии COVID-19 (M.S. Ashilova et al. [24]).

Проблема формирования жизненных планов, перспектив, стратегий становится предметом специальных исследований, однако их совокупность невелика и большинство проанализированных нами работ посвящены конкретному методу или направлению такой работы: психолого-педагогическое сопровождение студентов в процессе экзистенциального проектирования (А.А. Егорова [25]); формирование жизненных планов студентов во взаимодействии с семьей (Т.Н. Бояк [26]).

Таким образом, сам феномен жизненных стратегий и ряд аспектов формирования жизненных стратегий, планов, перспектив студентов в воспитательной деятельности вузов Российской Федерации представлены в классических исследованиях и работах последних лет. На основе существующего исследовательского опыта мы сформулировали *основной вопрос исследования*: каковы особенности жизненных стратегий и процесса их построения студентами, испытывающими разную степень негативного влияния гибридных войн, связанного с регионом их проживания и обучения? *Цель статьи* – выявить особенности жизненных стратегий студентов разных регионов Российской Федерации посредством сравнительного анализа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На основе изложенных теоретических позиций нами был разработан опросник, имеющий целью определение значимости построения жизненных стратегий для студентов, горизонта планирования, наиболее распространенных барьеров создания жизненных стратегий и сообразных с точки зрения студентов педагогических форматов, способствующих преодолению этих барьеров. В рамках данного исследования не оценивались содержание и структура жизненных стратегий студентов. Результаты носят интроспективный характер, то есть представляют собой видение представленной проблемы с точки зрения опрошенных.

Опросник содержал два раздела. Первый из них – оценка актуальной ситуации в области построения жизненных стратегий и барьеров в этой сфере, а второй – описание опыта участия в педагогических форматах, способствующих формированию жизненной стратегии, и запрос на включенность в такого рода деятельность.

В исследовании приняли участие две группы респондентов – студенты Костромского государственного университета (1 группа, $n=422$) и студенты Херсонского государственного педагогического университета (2 группа, $n=272$). Исследование проводилось в 2023 и 2024 годах. Выборки сопоставимы по ряду значимых для нас характеристик: доминирование женщин в выборке (1 группа – 94,5%; 2 группа – 80,3%); доминирование респондентов в возрасте 19-21 года и старше (1 группа – 76,3%; 2 группа – 97,7%). Для оценки наличия или отсутствия различий в полученных данных в независимых выборках группы 1 и 2 нами использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни (U). Для установления связей между рядами данных в зависимой выборке использовался корреляционный анализ, который проводился с помощью коэффициента парной корреляции Пирсона (r). Значимость отличий между группами по частоте встречающегося результата при ответах на отдельные вопросы была проанализирована с помощью углового коэффициента Фишера (ϕ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Студенты обеих групп отмечают значимость построения жизненной перспективы как актуальной личностной задачи. Вопрос о значимости построения жизненной перспективы предполагал оценку по шкале от 1 до 10. Однако в первой группе (КГУ) доля оценивающих значимость от 8

до 10 баллов составляет 56,4%, тогда как во второй группе – 69,85%. Вторая группа демонстрирует субъективно более высокий уровень значимости задач построения жизненной стратегии. Различия подтверждаются с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни ($U=47872,5$, $p \leq 0,05$). Значения средних рангов групп и p-уровень представлены в таблице 1.

Таблица 1

Различия в выраженности изучаемых переменных у студентов (критерий U Манна-Уитни)

Переменные	Средний ранг		Значения критерия, U	p-уровень
	Группа 1, КГУ	Группа 2, ХГПУ		
Оценка значимости построения жизненной перспективы	129278,5	98196,50	47872,5	0,007*
Субъективная оценка студентами решенности задачи построения жизненной стратегии	73493,00	72577,00	35992,00	0,800
Горизонт планирования	72849,5	74303	35999,5	0,690
Субъективная оценка студентами динамики процесса построения жизненной перспективы в ретроспективе 2 лет	74841,5	73603	34678,0	0,580
Причины изменений процесса построения жизненных перспектив	69802,0	77351,0	32946,00	0,038*

Примечания: * – значимость на уровне $p \leq 0,05$

Уровень значимости задачи сопоставлялся нами с актуальным уровнем ее решения. Вопрос содержал выбор трех утверждений: я четко вижу свою жизнь на долгие годы, мои цели мне ясны, пути их достижения понятны; вижу некоторые очертания своего жизненного пути на несколько лет, дальше есть желания, но непонятно как это сложится в жизни; я не вижу своего будущего, мой горизонт планирования очень близкий, не могу сейчас говорить о жизненных целях и тем более путях их достижения. С наличием сформированной жизненной стратегии мы связываем первый вариант. Второй вариант свидетельствует о наличии жизненных планов в близкой и средней перспективе, придающей им тактический характер. Выбор третьего варианта свидетельствует о невозможности или неумении студента планировать будущее даже в близкой перспективе, реактивной позиции, высокой степени зависимости от конкретных обстоятельств, складывающихся независимо от человека. Анализируя результаты ответа на этот вопрос мы фиксируем, что первый вариант ответа выбирает 16,6% респондентов первой группы и 20,6% – второй (см. рис. 1). Таким образом, при высокой значимости построения жизненной перспективы для студентов выявляется значительно более низкий уровень готовности и возможности эту задачу решить. При этом корреляции при расчете с использованием коэффициента корреляции Пирсона не выявлено ни в одной из групп (группа 1 – 0,05; группа 2 – 0,02). По субъективным оценкам студентов повышение значимости задачи не приводит к ее решению, так и снижение значимости – к ее нерешенности.

Среди наиболее значимых «катализаторов», определяющих обращение студентов к мыслям о жизненной перспективе доминируют внешние обстоятельства: когда возникает необходимость принятия важных решений (группа 1 – 28,8%; группа 2 – 28,2%); когда необходимо справиться с трудной жизненной ситуацией (группа 1 – 17,1%; группа 2 – 16,9%); когда значительно меняются жизненные обстоятельства мои и моих близких в связи с изменениями в жизни общества (группа 1 – 19,3%. Группа 2 – 22,1%); когда я теряю сложившиеся ранее ценности и цели (группа 1 – 14,6%; группа 2 – 11,8%); когда возникает потребность придать жизни смысл (группа 1 – 20,2%; группа 2 – 18,2%).

Горизонт планирования у большинства респондентов ограничивается периодом до 5 лет и значительно меньше (в совокупности в группе 1 – 82,6%; группа 2 – 81,5%). 16,4% и 18,2% респондентов 1 и 2 групп соответственно утверждают, что их жизненные планы охватывают период более 5 и 10 лет. Значимых отличий при анализе ответов на этот вопрос также обнару-

жено не было ($U=35999,5$; $p=0,69$; см. табл. 1). Студенты обеих групп имеют схожий профиль горизонта планирования (см. рис. 2).

Рисунок 1 Решенность задачи долгосрочного планирования по самооценке студентов

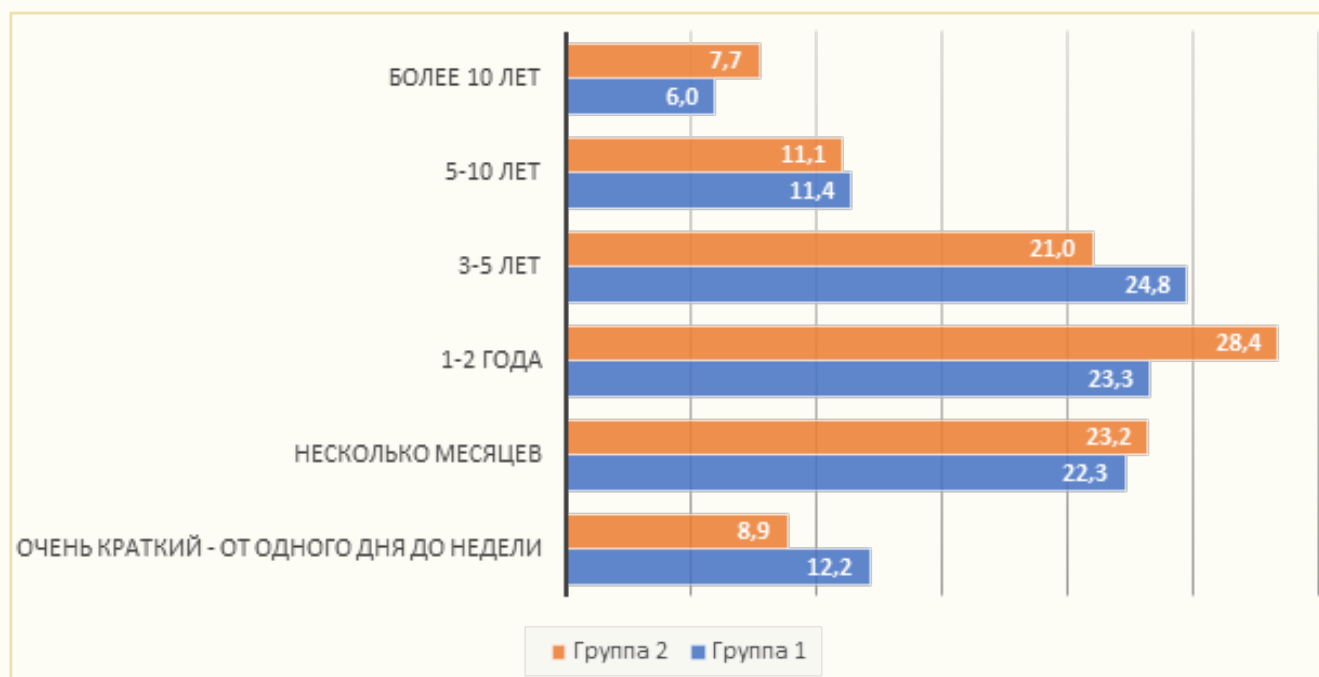

Рисунок 2 Горизонт планирования по самооценке студентов

Значимым для результатов исследования вопросом была субъективная оценка респондентами процесса построения жизненных стратегий в ретроспективе. Мы спрашивали сложнее или легче стало строить долгосрочную перспективу своей жизни по сравнению с периодом 2-3 летней давности? Обе группы респондентов продемонстрировали неоднозначность оценок. Треть респондентов считают, что планировать стало несколько и значительно сложнее (группа 1 – 33,5%, группа 2 – 34,9%), около 40% отмечают, что планировать стало несколько и значительно легче (группа 1 – 45,1%, группа 2 – 47,4%) и остальные респонденты не ощущают изменений (группа 1 – 21,6%, группа 2 – 17,3%). Во всех случаях отличия между данными групп незначимы ($U=34678,0$, $p=0,580$).

Профили причин, приводящих к осложнению или облегчению построения жизненных стратегий существенно различаются. При этом одно и то же обстоятельство может восприниматься личностью как облегчающее и как осложняющее планирование будущего. Данные по обеим

группам, проанализированные в отношении подгрупп «стало легче» и «стало тяжелее» представлены на рис. 3, 4.

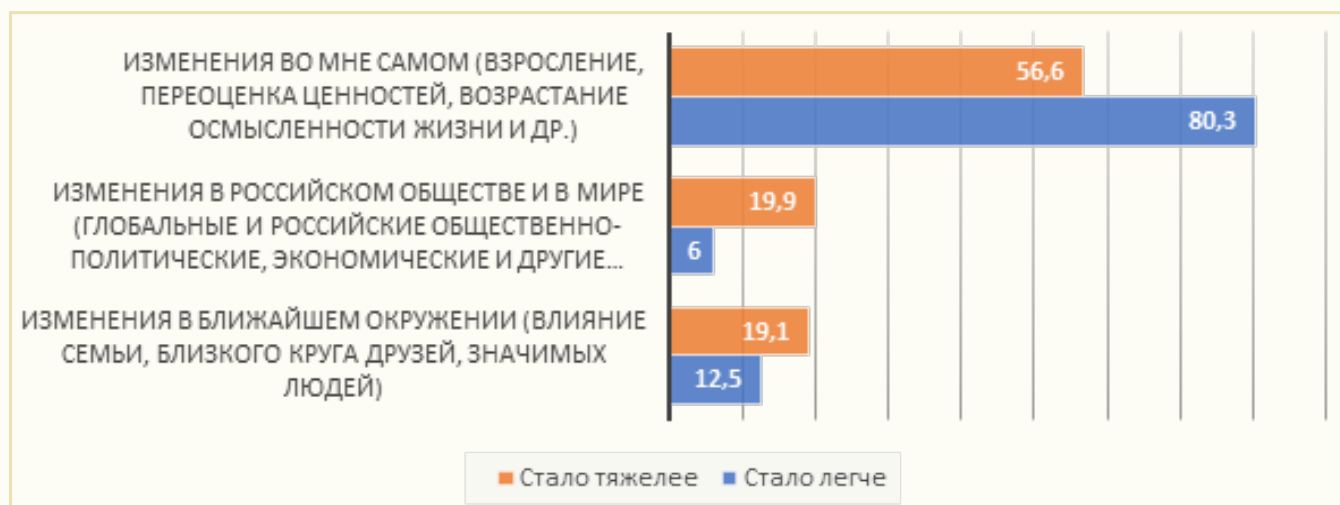

Рисунок 3 Ретроспективное видение причин облегчения/отягощения процесса построения жизненных стратегий студентами (группа 1, КГУ), %

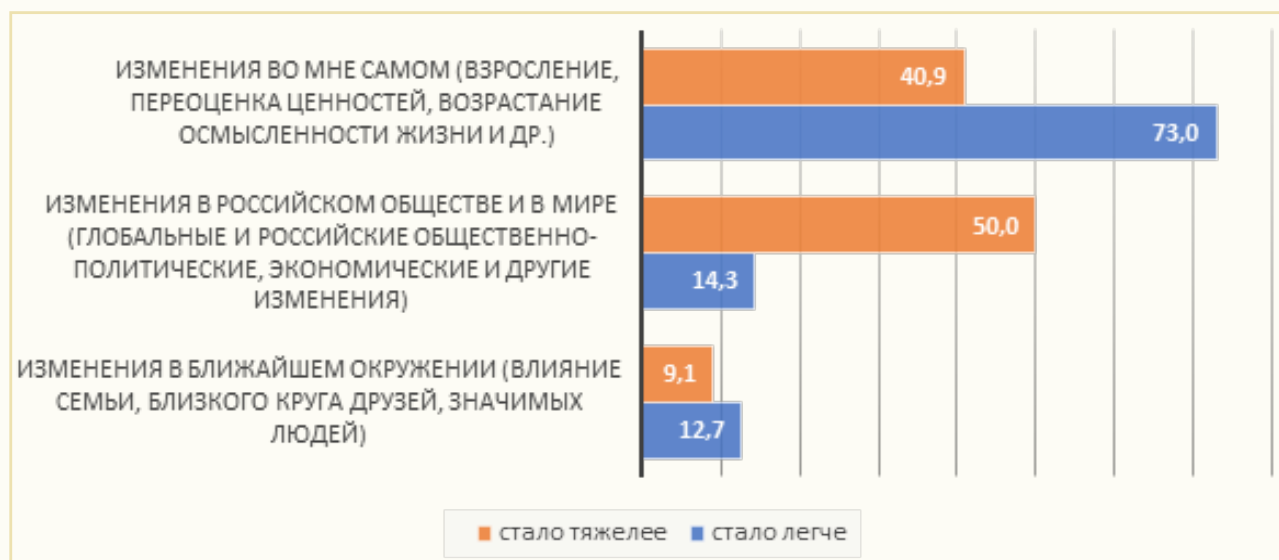

Рисунок 4 Ретроспективное видение причин облегчения/отягощения процесса построения жизненных стратегий студентами (группа 2, ХГПУ), %

Так, «изменения во мне самом» видятся студентам значительно более причиной облегчения построения жизненной стратегии, чем отягощения этого процесса. В первой группе значимость личностных изменений как причины, влияющей на жизненные стратегии, выражена больше, чем во второй. Наиболее значимые отличия выявлены в двух группах респондентов при выборе причины «изменения в российском обществе и мире» среди тех, кто оценивает эту причину как отягощающую. Очевидно, что в этом случае студенты ХГПУ ощущают внешнее влияние, затрудняющее планирование значительно более выражено. Интересно, что выборка первой группы чаще отмечают изменения в ближайшем окружении как негативный фактор построения жизненных стратегий. По значимости причин, влияющих на долгосрочное планирование, доминирует «изменения во мне самом». Это свидетельствует о личностном плане как «мишени» психолого-педагогического сопровождения жизненных стратегий студентов в вузе. Значимость различий по показателю «причины изменения процесса построения жизненной стратегии» подтверждена ($U=32946,0$, $p=0,038$, см. табл. 1).

В рамках проведенного исследования мы просили студентов оценить актуальность личностных и социальных барьеров, препятствующих построению жизненной стратегии. Значимость отличий между группами по частоте встречающегося результата была проанализирована с помощью углового коэффициента Фишера. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значимость личностных барьеров построения жизненной стратегии студентами вуза

Личностные барьеры	Доля респондентов, группа 1, %	Доля респондентов, группа 2, %	Значение углового коэффициента Фишера, $\Phi_{эмп.}$
осознанно не хочу ничего планировать, так как не хочу разочароваться, когда цели не будут достигнуты	28,2	19,2	3,972*
ощущаю недостаток информации – не представляю мир, мою профессию, условия жизни в будущем	40,8	41,3	0,076
не умею планировать на дальнюю перспективу, нет такого опыта	19,6	6,6	5,089*
не умею планировать самостоятельно, часто мои планы определялись родителями или складывающимися жизненными обстоятельствами	10,6	2,6	4,351*
не понимаю самого себя – не уверен, что знаю, чего хочу и какие мои возможности для этого	47,3	24	6,323*
не умею строить реалистичный путь достижения цели, вижу цель как случившийся факт, но не понимаю, как достичь ее	20,3	17,7	0,878

*наличие значимых отличий по угловому преобразованию Фишера

Субъективная оценка личностных барьеров существенно отличается в выборке студентов КГУ и ХГПУ. Судя по полученным данным, группа 2 выглядит более социально-зрелой и испытывающей меньше затруднений в долгосрочном планировании. Несмотря на это горизонт планирования в обеих групп сопоставим, что приводит нас к гипотезе, что во второй группе более активно действуют внешние детерминанты. Одинаково значимым барьером для обеих групп является недостаток информации, на основе которой можно принять решение, при общей ситуации информационной избыточности.

Таблица 3

Значимость внешних барьеров построения жизненной стратегии студентами вуза

Личностные барьеры	Доля респондентов, группа 1, %	Доля респондентов, группа 2, %	Значение углового коэффициента Фишера, $\Phi_{эмп.}$
высокие темпы общественных изменений в области технологий, экономики, производства	37,2	30,6	1,807
высокая степень внешнеполитической напряженности	34,8	32,8	0,539
противоречивость и избыточность информации о будущем России и мира	26,9	18,1	2,697*
недостаток информации о конструктивных путях социальной мобильности, возможностях достижения поставленных целей	43,5	32,5	5,882*

*наличие значимых отличий по угловому преобразованию Фишера

При анализе субъективной оценки внешних барьеров по двум показателям значимых отличий между группами обнаружено не было. Равно значимыми являются и барьеры, связанные с позитивной социальной и технологической динамикой, и с негативными факторами – внешнеполитической напряженности и информационной амбивалентности. При этом студенты группы 2 менее ощущают информационные дефициты (показатели «противоречивость и избыточность информации о будущем России и мира», «недостаток информации о конструктивных путях социальной мобильности, возможностях достижения поставленных целей»). Мы видим связь с более высокой социальной зрелостью второй группы, которую мы зафиксировали с помощью предыдущего вопроса.

Значимым показателем для нашего исследования было влияние университетской среды на построение студентами жизненных стратегий. При ответе на вопрос «Повлиял ли университет на долгосрочное планирование?» при выборе вариантов «положительно повлиял», «отрицательно повлиял» и «не повлиял» мы получили данные, представленные на рис. 5.

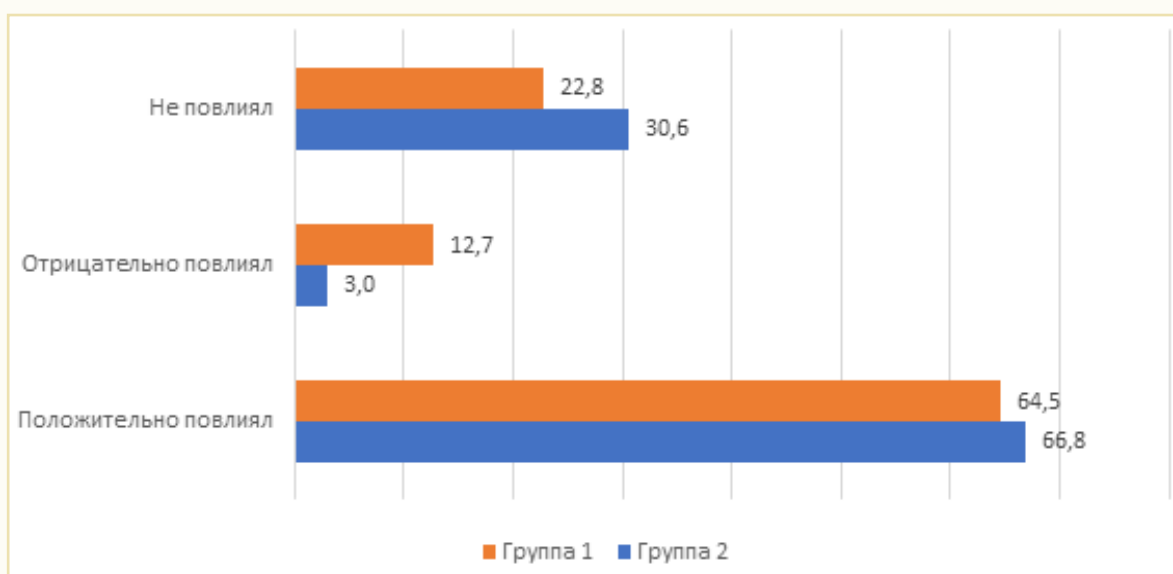

Рисунок 5 Влияние университета на процесс построения жизненной перспективы

Значения по варианту ответа «положительно повлиял» близки, при этом доля респондентов ответивших «отрицательно повлиял» больше в выборке группы 1 ($F_{эмп.} = 4,847$, отличия значимы), а «не повлиял» – в группе 2 ($F_{эмп.} = 2,214$, отличия в зоне неопределенности). Студенты группы 1 обучаются в присутственном формате, а студенты группы 2 преимущественно в дистанционном. Можно предположить, что непосредственное погружение в среду вуза оказывает более значимое влияние, в том числе разрушающее уже имеющиеся представления о собственном будущем. Это может связываться как с положительными изменениями – появлением новых ценностных и ролевых моделей, так и с отрицательными – разочарованием в будущей профессии и др.

На полученные результаты влияет дистанционный формат работы Херсонского государственного педагогического университета, который реализовывался в период проведения исследования. Это проявляется в меньшей степени вовлеченности студентов в разные форматы внеаудиторной деятельности. При этом прослеживаются общие тенденции оценки ряда форматов: наиболее сильно, по мнению опрошенных, на долгосрочное планирование жизни влияют индивидуальное психолого-педагогическое консультирование, индивидуальное и групповое наставничество, обучающие программы, связанные с саморазвитием, тренинговые программы. Кроме того, сам образовательный процесс как базовая и доминирующая в вузе деятельность оценивается довольно высоко (группа 1 – 60%, группа 2 – 64,6%), однако эти оценки, на наш взгляд, свидетельствуют также и о том, что ее потенциалы не актуализированы в полной степени.

Таблица 3

Форматы учебной и внеучебной деятельности в университете и субъективная оценка значимости их влияния на процесс построения жизненных стратегий

Формат	Участие, %		Значимое влияние, %	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2
учебная деятельность	100 (по умолчанию)	100 (по умолчанию)	60,0	64,6
массовые мероприятия (праздники, акции, соревнования, спектакли, концерты)	68,6	17,3	52,5	23,4
командная работа над общим проектом	57,4	32,1	36,6	41,4
участие в деятельности студенческих объединений	33,3	18,5	39,9	26
проектные сессии, обучающие интенсивы, форсайт-сессии	31,7	13,3	39,1	55,5
волонтерская деятельность, работа в педагогических отрядах, стройотрядах и другое	27,9	3,7	49,5	40
обучающие программы, связанные с саморазвитием, тренинговые программы	24,0	32,4	51,7	70,5
спортивная деятельность под руководством тренера	20,5	1,47	50	100
взаимодействие с работодателем, стажировки, опыт профессиональной деятельности	20,2	21,4	69,3	50
индивидуальное или групповое наставничество	18,3	11,1	50	70
персональная научно-исследовательская деятельность под руководством преподавателя	16,4	13,6	29,3	54
участие в студенческом самоуправлении	11,2	5,9	44,6	31,3
индивидуальное психолого-педагогическое консультирование	5,7	11,4	84,2	87,1

Около половины выборки опрошенных студентов обеих групп готовы и испытывают потребность включаться в деятельность, помогающую построить осознанную жизненную стратегию (группа 1 – 54,2%; группа 2 – 45%). Наиболее референтным партнером по такому взаимодействию студенты считают преподавателей, кураторов, однокурсников. В полученных результатах прослеживается разница организации разных форм взаимодействия студентов и преподавателей в вузе. Так, для студентов КГУ с развитой системой кураторства одним из значимых взрослых называется куратор, тогда как в ХГПУ – научный руководитель (см. рис. 6).

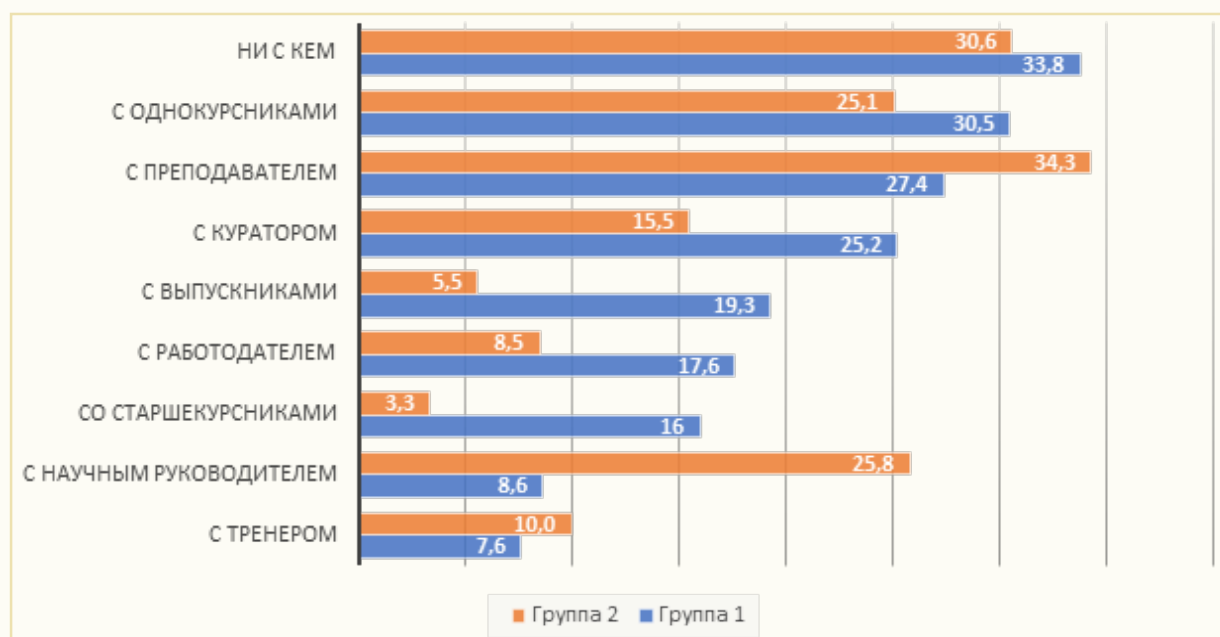

Рисунок 6 С кем в университете Вы хотели бы обсудить свое будущее?

При этом необходимо учитывать, что около трети респондентов не готовы включаться в деятельность по психолого-педагогическому сопровождению построения жизненных стратегий (группа 1 – 29,2%, группа 2 – 23,2%) и ни с кем не готовы обсуждать этот вопрос в вузе (группа 1 – 33,8%, группа 2 – 30,6%).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование выполнено в планировочной концепции будущего и поддерживает идеи о необходимости рационального формирования личностью жизненного пути, соотнося его со своими ценностями и целями. В этом аспекте работа развивает подходы к личности как субъекту (агенту) планирования (М. Bratman [27]). Статья поддерживает идею о трехкоординатном акте планирования, при котором субъект выбирает ценностные приоритеты, соотносит с ними свои действия, предпочитая удовлетворению актуальной потребности нечто более значимое в отдаленной перспективе и соотносит это с окружающими людьми и миром в целом.

В рамках этой концепции планирования выступает инструментом преодоления фрагментации и разнонаправленности действий на жизненном пути человека, которые приводят к неудовлетворенности и страданиям.

Однако мы поддерживаем критику этой концепции в части ограниченности возможностей планирования будущего из актуального состояния личности, невозможности планирования будущего с высокой степенью невероятности и эффекта завершенности будущего при достижении цели, который преодолевается только постановкой новой цели (Н. Steinfath [28]). Считаем, что предложенное автором видение концентрации на способах бытия как продолженного настоящего, формирующего личность и образ ее жизни, может сочетаться с планировочной концепцией при организации психолого-педагогического сопровождения построения студентами жизненной стратегии.

Исследование основано на понимании жизненной позиции как самопродвижение личности в построении собственной жизни (движение вперед или движение «выше» к лучшему себе) (К.А. Абульханова-Славская [29]), развивает подходы к жизненной стратегии как поэтапному планированию собственного будущего, основанного на осознанных ценностных приоритетах (Ю.М. Резник, Е.А. Смирнова [1]).

Эмпирические данные и выводы, полученные в ходе опроса согласуются с выводами исследования И.Ф. Мухановой [17], которая в качестве значимого барьера в построении жизненных перспектив студентов Донбасса определяет внутрисполитическую напряженность. Автором отмечается выявленная тенденция деления будущего на микроинтервалы, что в нашем исследовании находит отражение в коротком горизонте планирования. Однако данные не согласуются в части протяженности этого горизонта и интервалов. В нашем случае речь идет о 1-2 годах планирования для большинства респондентов, тогда как в исследовании И.Ф. Мухановой о днях и неделях. При этом наши данные подтверждают вывод о том, что отказа от построения долгосрочных планов не происходит, студенты с надеждой смотрят в будущее и стремятся сформировать его положительный образ.

Выводы исследования развивают положения о вузе как интегративном субъекте воспитания, имеющем потенциалы влияния на построения личностью жизненных перспектив. Они соотносятся с выводами исследования С.П. Акутиной о комплексном характере психолого-педагогического сопровождения решения задач долгосрочного планирования на основе ценностных приоритетов путем предъявления личности позитивного образца отношения или действия, включения студентов в деятельность, где эта ценность или отношение может проявляться и присваиваться [30].

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования мы пришли к ряду выводов.

1. В обеих группах велика значимость построения долгосрочной стратегии как актуальной жизненной задачи. При этом студенты испытывают затруднения при ее решении и видят скорее тактическую перспективу продолжительностью до 5 лет, чаще до 2 лет.
2. Задачи построения жизненной стратегии актуализируются в обеих группах внешними обстоятельствами (изменением жизненной ситуации, завершением процесса обучения в вузе и т.д.) в большей степени, чем внутренней потребностью поиска осознанности, целевой определенности и смысла жизни.
3. Единонаправленных тенденций усложнения или облегчения построения жизненных стратегий студентами обеих групп в ретроспективе 2-3 лет не выявлено. Облегчение решения этой задачи связывается в первую очередь с личностными изменениями и социальной зрелостью.
4. Среди респондентов, отметивших, что строить жизненную перспективу стало сложнее, в группе ХГПУ значительно преобладает доля тех, кто связывает это с причинами трансформаций в России и мире. Очевидно, что студенты ХГПУ острее чувствуют эти влияния и нуждаются в особых мерах психолого-педагогической поддержки. При этом необходимо учесть, что группа студентов из ХГПУ в субъективных оценках личностных барьеров выглядит ощутимо взрослее и самостоятельнее, поэтому и формы сопровождения должны учитывать особенности поддержки взрослых и социально-зрелых людей.
5. Выявлена амбивалентность воздействия вуза на процесс построения жизненных стратегий личности, которая выражена позитивно в нарастании способности к планированию и негативно – в разрушении ранее сложившихся жизненных стратегий.
6. Внедрение дистанционных форматов работы значительно снижает включенность студентов во внеаудиторную жизнь вуза, но не приводит к снижению значимости ее влияния для участников.
7. Студенты готовы включиться в специально-организованную деятельность по проектированию жизненных стратегий в вузе, при этом проявляется запрос на индивидуальные, психологические форматы поддержки в процессе долгосрочного планирования.
8. Опосредованные, контекстные форматы педагогической деятельности гораздо сильнее влияют на жизненные стратегии личности, чем специально организованные обучающие программы по самопроектированию.
9. Преподаватели и кураторы являются наиболее референтными для студентов субъектами влияния на жизненную стратегию в среде вуза. От типа построения институций взаимодействия преподавателя и студентов в вузе зависит роль референтных для студентов взрослых. Так, для студентов КГУ это кураторы, для студентов ХГПУ – научные руководители.
10. Процесс построения жизненных стратегий студентами вуза характеризуется ограниченностью горизонта планирования, наличием выраженных личностных и социальных барьеров. Он нуждается в целенаправленном психолого-педагогическом сопровождении, запрос на которое выявлен у значительной доли респондентов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания на выполнение НИР по теме «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях «новых войн»» № FZEW-2023-0003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа): монография. М.: Институт человека РАН, 2002. 260 с.
2. Мдивани М.О. Методика исследования жизненных стратегий личности // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 146–150.
3. Берковский В.А. Семья в системе факторов, определяющих жизненные стратегии старшеклассников: дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2006. 181 с.
4. Белугина М. А. Психологическое содержание жизненных стратегий личности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 22 с.
5. Чеботарева Д.Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи юга России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 26 с.
6. Goring J., Kelly P., Carbajo D., Brown S. Young people's presents and futures, and the moral obligation to be enterprising and aspirational in times of crisis // *Futures*. 2023. Vol. 147. P. 12–21.
7. Sharma G., Kim J., Bernal-Arevalo K. The Relationship Between High School Sophomores' Purpose Orientations and Their Postsecondary Completion a Decade Later // *Professional School Counseling*. 2021. Vol. 25. № 1. P. 1–10.
8. Cuzzocrea V., Mandich G. Students' narratives of the future: Imagined mobilities as forms of youth agency? // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 19. № 4. P. 552–567.
9. Froerer P., Ansell N., Huijsmans R. Sacrifice, suffering and hope: education, aspiration and young people's affective orientations to the future // *Ethnography and Education*. 2022. Vol. 17. № 3. P. 179–185.
10. Ikonen H.-M., Nikunen M. Young adults and the tuning of the entrepreneurial mindset in neoliberal capitalism // *Journal of Youth Studies*. 2019. Vol. 22. № 6. P. 824–838.
11. Mandich G. Modes of engagement with the future in everyday life // *Time & Society*. 2020. Vol. 29. № 3. P. 681–703.
12. Nygrén N.A. Scenario workshops as a tool for participatory planning in a case of life management // *Futures*. 2019. Vol. 107. P. 29–44. DOI: 10.1016/j.futures.2018.10.004
13. Tyszczyk R. Collective scenarios: Speculative improvisations for the Anthropocene // *Futures*. 2021. Vol. 134. № 28. P.1–34.
14. Dickerson K.L., Quas J.L. Perceived life expectancy, environmental unpredictability, and behavior in high-risk youth // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2021. Vol. 49. № 9. P. 46–57.
15. Arnett J.J. Emerging adulthood. A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469–480.
16. Baikeli R., Li D., Zhu L., Wang Z. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 174. № 1.
17. Муханова И. Ф. Восприятие собственного жизненного пути и формирование жизненной перспективы личности студента // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Донецк: Цифровая типография, 2020. С. 382–388.
18. Дидковская Я.Д. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 63–77.
19. Третьякова В.С. Сценарии прогнозирования профессионального будущего студенческой молодежи // Образование и наука. 2024. № 1. С. 54–81.
20. Мелехова В.М. Роль жизнестойкости и фрустрационной устойчивости в формировании жизненной перспективы студентов с ОВЗ // Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 90–100.
21. Иванов А.В., Артамонова Т.А., Энхжаргал Б. Перспективы формирования созидательных жизненных установок у российских и монгольских студентов на Алтае // Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 71–79.
22. Касьянова Н.Н. Изучение профессиональных перспектив студентов помогающих профессий в контексте социализации // Воспитание и социализация в современной социокультурной среде: Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–27 ноября 2020 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. С. 90–94.
23. Касьянова Н.Н. Некоторые проблемы формирования жизненной перспективы у студенческой молодежи // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании: Материалы XXI Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Макаренни Александра Александровича, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2020 года. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2020. С. 70–73.
24. Ashilova M. S., Kim O. Ya., Begalinov A. S., Begalinova K. K. The value system of modern youth after the COVID-19 pandemic // *Education and Science Journal*. 2023. Vol. 25, № 7. P. 172–191.
25. Егорова А.А., Горбачева Е.И. Развитие представлений о жизненном успехе у студентов ВУЗа в экзистенциальном проектировании // Научный аспект. 2023. Т. 16, № 11. С. 1976–1984.
26. Бояк Т.Н. Формирование ценностей, профессиональных ориентаций, жизненных планов студенческой молодежи регионального вуза культуры // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 9. С. 37–42.
27. Bratman M. Rational and social Agency: reflections and replies // *Rational and social Agency. The philosophy of Michael Bratman*. New York: Oxford University Press. 2015. P. 294–343.

28. Steinfath, H. Plans, an open future and prospects for a good life // *Ethic Theory Moral Practice*. 2023. Vol. 27. № 3. P. 459–472.
29. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // *Психология личности и образ жизни*. М., 1987. С. 137–145.
30. Акутина С.П. Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // *Социодинамика*. 2020. № 8. С. 1–8.

REFERENCES

1. Reznik Yu.M., Smirnov E.A. Personal life strategies (experience of complex analysis): monograph. Moscow, Institute of Man of the Russian Academy of Sciences, 2002. 260 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23027978> (accessed 15 July 2024) (in Russ.)
2. Mdivani M.O. Methodology for studying personal life strategies. *Voprosy psichologii*, 2006, no. 4, pp. 146–150. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19103997> (accessed 15 July 2024) (in Russ.)
3. Berkovsky V.A. Family in the system of factors that determine the life strategies of high school students. Abstract Diss. Cand. Sci. Educ. Stavropol, 2006. 181 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003269783> (accessed 15 July 2024) (in Russ.)
4. Belugina M. A. Psychological content of a person's life strategies in adolescence. Abstract Diss. Cand. Sci. Psychol. Yaroslavl, 2009. 22 p. Available at: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br0000363313/Details> (accessed 15 July 2024) (in Russ.)
5. Chebotareva D.Yu. Life strategies of student youth in the south of Russia. Abstract Diss. Cand. Sci. Sociol. Sci. Rostov-on-Don, 2006. 26 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003292095> (accessed 15 July 2024) (in Russ.)
6. Goring J., Kelly P., Carbajo D., Brown S. Young people's presents and futures, and the moral obligation to be enterprising and aspirational in times of crisis. *Futures*, 2023, vol. 147, pp. 12–21. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103099
7. Sharma G., Kim J., Bernal-Arevalo K. The Relationship Between High School Sophomores' Purpose Orientations and Their Postsecondary Completion a Decade Later. *Professional School Counseling*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.1177/2156759X20981051
8. Cuzzocrea V., Mandich G. Students' narratives of the future: Imagined mobilities as forms of youth agency? *Journal of Youth Studies*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 552–567. DOI: 10.1080/13676261.2015.1098773
9. Froerer P., Ansell N., Huijsmans R. Sacrifice, suffering and hope: education, aspiration and young people's affective orientations to the future. *Ethnography and Education*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 179–185. DOI: 10.1080/17457823.2022.2075709
10. Ikonen H.-M., Nikunen M. Young adults and the tuning of the entrepreneurial mindset in neoliberal capitalism. *Journal of Youth Studies*, 2019, vol. 22, no. 6, pp. 824–838. DOI: 10.1080/13676261.2018.1546383
11. Mandich G. Modes of engagement with the future in everyday life. *Time & Society*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 681–703. DOI: 10.1177/0961463X198837
12. Nygrén N.A. Scenario workshops as a tool for participatory planning in a case of life management. *Futures*, 2019, vol. 107, pp. 29–44. DOI: 10.1016/j.futures.2018.10.004
13. Tyszczyk R. Collective scenarios: Speculative improvisations for the Anthropocene. *Futures*, 2021, vol. 134, no. 28, pp. 1–34. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102854
14. Dickerson K.L., Quas J.L. Perceived life expectancy, environmental unpredictability, and behavior in high-risk youth. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2021, vol. 48, no. 9, pp. 46–57. DOI: 10.1007/s10964-019-01052-9.
15. Arnett J.J. Emerging adulthood. A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no. 5, pp. 469–480. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.469
16. Baikeli R., Li D., Zhu L., Wang Z. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood. *Personality and Individual Differences*, 2021, vol. 174, no. 1. DOI: 10.1016/j.paid.2021.110668
17. Mukhanova I. F. Perception of one's own life path and the formation of a student's personal life perspective. Current problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice. Donetsk, Russia Publ., 2020, pp. 382–388. (in Russ.)
18. Didkovskaya Ya. D. Professional strategies of students in the context of the image of the social future. *Sociological studies*, 2023, no. 9, pp. 63–77. DOI: 10.31857/S013216250 027778-8 (in Russ.)
19. Tretyakova V. S. Scenarios for predicting the professional future of student youth. *Education and Science*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 54–81. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-1-54-81 (in Russ.)
20. Melekhova V. M. The role of resilience and frustration resistance in the formation of the life prospects of students with disabilities. *Humanities*, 2018, no. 2(42), pp. 90–100. Available at: <https://gpa.cfuv.ru/attachments/article> (accessed 08 September 2024) (in Russ.)
21. Ivanov A.V., Artamonova T.A., Enkhzhargal B. Prospects for the formation of creative life attitudes among Russian and Mongolian students in Altai. *Values and meanings*, 2015, no. 5(39), pp. 71–79. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/liderstvo-i-zhiznestoykost-mongolskih-studentov-obuchayuschihsya-v-rossii> (accessed 08 September 2024) (in Russ.)

22. Kasyanova N.N. Studying the professional prospects of students of helping professions in the context of socialization. Education and socialization in the modern sociocultural environment. St. Petersburg, Russia Publ., 2020, pp. 90–94.
23. Kasyanova N.N. Some problems of forming life prospects among students. Problems of pedagogical innovation in vocational education. St. Petersburg, Russia Publ., 2020, pp. 70–73. (in Russ.)
24. Ashilova M. S., Kim O. Ya., Begalinov A. S., Begalinova K. K. The value system of modern youth after the COVID-19 pandemic. *Education and Science Journal*, 2023, vol. 25, no. 7, pp. 172–191. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-7-172-191
25. Egorova A.A., Gorbacheva E.I. Development of ideas about life success among university students in existential design. *Scientific aspect*, 2023, vol. 16, no. 11, pp. 24–36. (in Russ.)
26. Boyak T.N. Formation of values, professional orientations, life plans of students at a regional university of culture. *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, 2020, no. 9, pp. 37–42. DOI: 10.20339/AM.09-20.037. (in Russ.)
27. Bratman M. Rational and social Agency: reflections and replies. Rational and social Agency. The philosophy of Michael Bratman. New York, Oxford University Press, 2015, pp. 294–343. DOI: 10.1515/jso-2015-0002
28. Steinfath H. Plans, an open future and prospects for a good life. *Ethic Theory Moral Practice*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 459–472. DOI: 10.1007/s10677-023-10387-z
29. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life prospects of the individual. *Personality psychology and lifestyle*, 1987, pp. 137–145. (in Russ.)
30. Akutina S.P. Modern student family: value aspects and life strategies. *Sociodynamics*, 2020, no. 8, pp. 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.8.31890 (in Russ.)

Авторы

Воронцова Анна Валерьевна

(Россия, Кострома)

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и акмеологии личности Костромской государственной университет
E-mail: annavorontsova@ksu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-9706-1082

Блинова Елена Евгеньевна

(Россия, Херсон)

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонский государственный педагогический университет

(Россия, Владимир)

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: elena.bynova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3011-6082
Scopus Author ID: 57208207970

Authors

Anna V. Vorontsova

(Russia, Kostroma)

Cand. Sci. (Educ.), Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality Kostroma State University
E-mail: annavorontsova@ksu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-9706-1082

Elena E. Blinova

(Russia, Kherson)

Professor, Dr. Sci. (Psychol.), Head of the Department of Applied Psychology and Personality Development Kherson State Pedagogical University

(Russia, Vladimir)

Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
E-mail: elena.bynova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3011-6082
Scopus Author ID: 57208207970

Вклад авторов

Воронцова А. В.: концептуализация, методология, создание черновика рукописи, создание рукописи и её редактирование, визуализация, получение финансирования

Блинова Е. Е.: проведение исследования, ресурсы

Author's contribution

Anna V. Vorontsova: Conceptualization, Methodology, Writing - Original Draft, Writing - Review & Editing, Visualization, Funding acquisition

Elena E. Blinova: Investigation, Resources

© Воронцова А. В., Блинова Е. Е., 2025

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Anna V. Vorontsova, Elena E. Blinova, 2025

The author's declared no conflicts of interest